Теория и практика демократии

ИМИТАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: СИМУЛЯКРЫ БЮРОКРАТИИ

В.Н. Порус
Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье рассматривается соотношение понятий «рациональность» и «бюрократия» в словосочетании «рациональная бюрократия» – в трактовке М. Вебера и в современном смысле. Объясняется идеальный смысл веберовского понятия «бюрократии» и его культурная ценность.*

Ключевые слова: *бюрократия, рациональность, «рациональная бюрократия» как идеал, коррупция, бюрократия как культурная ценность.*

«Бюрократия» и «рациональность» после классических работ М. Вебера неразлучны[1], хотя оба эти понятия в современном контексте обрастают столь различными истолкованиями, что уже нелегко проследить их связь с веберовскими замыслами. Идеальный тип «рациональной бюрократии» привычно зачисляют по разряду социально-политических утопий (освободить «теорию бюрократии» от ее утопичности – приблизить к «реальности» – пытались многие и не раз: М. Крозье, А. Гоулднер, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ф. Селзник, С. Липсет и др.), но это не совсем справедливо по отношению к терминам «утопия» и «реальность». Вообще говоря, «идеальный тип» – методологическое новшество Вебера – это связка «наук о культуре» (по Г. Риккерту) с культурными ценностями. В этой статье я исхожу из понимания культурных ценностей (универсалий) как предельных («горизонтных») ориентиров мысли и действия[2]. В социальном научном исследовании они выражаются в том, что М. Вебер называл «ценностной идеей», которая будучи «трансцендентальным» регулятивом для социального ученого, направляет и задает цель его исследования. Она же оказывает влияние на выбор его методологического инструментария. Идеальный тип «рациональной бюрократии» у Вебера – характерный пример этого влияния. Он порожден пониманием культуры как системы ценностей, выступающей основанием собственно человеческого бытия. Эта система, по Веберу, исторически изменчива и на значимых этапах своей эволюции характеризуется различными «универсалиями», которым соответствуют и разные идеальные типы.

[1] См.: Вебер, М. История хозяйства: Город / М. Вебер. — М., Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Вебер, М: Хозяйство и общество/ М. Вебер. — М., Изд-во ГУ ВШЭ, 2010; Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма/ М. Вебер. — М., 2003; Масловский, М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология/ М.В. Масловский. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997; Макаренко, В.П. Теория бюрократии М. Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. – 1986. – № 3.

[2] См.: Порус, В.Н. У края культуры. Философские очерки/ В.Н. Порус. – М., «Канон+», 2008.

«Рациональная бюрократия» – это методологическая призма, сквозь которую мыслитель рассматривал отношение «власть – общество», формирующееся в условиях универсализации капиталистической экономики и соответствующего ей социального порядка. Бюрократическое управление социальными процессами уподоблялось работе механизма, не допускающего сбоев из-за чьей-либо корысти, некомпетентности или по каким-то иным субъективным причинам. Ученый, исследующий эти процессы, объясняет результаты эмпирических наблюдений, интерпретируя их в терминах принятой им теории. Это позволяет ему различать объективные знания и субъективные мнения, выражающие чьи-то предпочтения, эмоции или личные пристрастия. Но если результаты наблюдений (в широком смысле этого термина) вступают в противоречие с теорией (не согласуются с ее выводами), это должно поселить в нем сомнения, годится ли такая теория, не следует ли ее заменить более успешной. Таков обычный путь науки. Однако социальная наука не только изучает свои объекты, она их проектирует и предлагает способы осуществления своих проектов. В этом смысле социальная наука при известных обстоятельствах может стать программой социальных преобразований. Станет или нет, это зависит не от ученых, хотя их участие в таких преобразованиях не исключено. Политическая или идеологическая ангажированность социальной науки – проблема трудная для обсуждения, ибо в нем неминуемо затрагивается вопрос об объективности научного знания об обществе. Поэтому, не застревая в узких местах, допустим, что умеем различать позицию ученого-исследователя и позицию общественного деятеля, а также не застываем в методологической прострации, если эти позиции соприкасаются и даже сливаются.

Бюрократия, по М. Веберу, есть форма осуществления власти (прежде всего, государственной), предполагающая особую профессиональную организацию, действия которой подчинены строгому регламенту (на основании существующего законодательства) и должны проверяться на соответствие ему. Такая проверка осуществляется либо самими бюрократами (соответствующими этой функции бюрократическими структурами), либо контролирующими общественными организациями. В любом случае проверка также регламентирована и ее соответствие установленным нормам, правилам и процедурам поддерживается официально. Бюрократические инстанции работают, руководствуясь принципами, которые, собственно, и делают их работу рациональной.

Вкратце, кодекс таких принципов может быть описан следующим образом:

- бюрократия организована иерархически (низшие уровни подчинены высшим и это подчинение имеет безусловный характер; невозможна ситуация, когда властные импульсы, идущие от верхних уровней, не признаются нижними, игнорируются или произвольно трактуются);

- в этой иерархии «каждый сверчок знает свой шесток» и не выходит за круг своих полномочий, явно ограниченных регламентом;

- действия бюрократа строго определены и не допускают иной, отличной от регламента, оценки (бюрократ действует по законам и инструкциям, а не «по понятиям»);

- всякий бюрократ назначается на свою должность другим бюрократом (или бюрократической инстанцией), стоящим на более высокой ступени иерархии;

- бюрократическая функция требует профессионального исполнения (не должно быть бюрократов-профанов или бюрократов, работающих «по совместительству»), квалификация бюрократа должна быть подтверждена соответствующей экспертизой;

- выполнение профессиональных обязанностей обеспечивается законом, бюрократическая инстанция гарантирует чиновнику соблюдение его гражданских прав, работу по контракту и право на пенсию;

- бюрократ действует от имени властной структуры; как всякий профессионал, бюрократ получает зарплату в соответствии с занимаемой должностью, установленные размеры зарплаты бюрократа не могут быть произвольно изменены;

- как прием на работу, так и увольнение бюрократа совершается вышестоящей бюрократической инстанцией в соответствии с законом;

- бюрократ не имеет права собственности на то учреждение, в котором работает;

- бюрократ не может уклониться от выполнения задач, которые перед ним ставят регламент или высшие инстанции (при условии соответствия этих задач законодательству) или от законных форм контроля за его действиями.

Весь этот кодекс был бы пустым звуком, не обладай бюрократ соответствующей профессиональной подготовкой, в которую помимо прочего входит моральная ориентация на неукоснительное соблюдение этих принципов. Отсюда – особый моральный климат бюрократической среды, не допускающий пренебрежительного или цинического отношения к работе, не позволяющий чиновнику поставить личный интерес над своими обязанностями. Бюрократ не может быть коррупционером – не только в силу закона юридического, но и потому, что в противном случае он был бы исторгнут своей средой. *Там, где есть коррупция, моральный нигилизм, презрение к закону, уже нет бюрократии*.

Конечно, сегодня это звучит как насмешка над знакомой каждому реальностью. Бюрократия вызывает к себе далеко не идиллические чувства, а «бюрократизм» – слово, указывающее на социальное зло, с которым надо вести борьбу. «Я волком бы выгрыз бюрократизм», признавался В. Маяковский, и кто же не сочувствовал поэту, особенно зная, что не имеешь никаких шансов самому стать бюрократом? А были бы шансы,… ну, тогда и посмотрим, кому сочувствовать, не так ли? Во всяком случае, по данным социологов, большинство российских старшеклассников на вопрос «Какую профессию вы изберете, окончив школу?» отвечают чуть не хором: профессию чиновника![3] Очень любопытно сравнить эти данные с другими, свидетельствующими, что к деятельности бюрократии население страны относится скорее отрицательно[4]. Получается, что сегодняшние школьники (разумеется, не без согласия и одобрения родителей!) с удовольствием примкнули бы к профессиональной группе, деятельность которой порицается общественным мнением. Безусловно, это может трактоваться по-разному, но в том числе и так, что профессия чиновника (не самая привлекательная по зарплате!) манит возможностью пожить за чужой счет, как бы об этом ни судили те, у кого такой возможности нет. По сути, если принять такую трактовку, это свидетельствует о глубокой деморализации общества, затрагивающей даже детей.

В.П. Макаренко называет бюрократию «социальным организмом-парази-том на всем протяжении ее существования», видит в ней «отражение социальных конфликтов и материа-

[3] По результатам исследования, проведенного Фондом "Общественное мнение", привлекательной для себя государственную службу считают 42 % жителей страны. Летом 2010 г. конкурс на бюджетное студенческое место на специальность "Государственное управление" в некоторых регионах достигал 160 человек. В НИУ-Высшая школа экономики (Москва) в том же году на специальность «Государственное и муниципальное управление» (60 бюджетных мест) было подано 1150 заявлений (См.: Туманова О. Профессия чиновника – самая востребованная в вузах России [Эл. ресурс]/ О. Туманова, А. Чернаков. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: /http://www.madan.org.il/node/690, свободный).

[4] По данным социологов РАН, «россияне не только не готовы видеть в бюрократии выразителя интересов общества, но и рассматривают ее как силу, если и не прямо враждебную, то безусловно наносящую ущерб интересам страны… Две трети россиян безоговорочно убеждены в том, что российская бюрократия думает только о собственном благополучии и влиянии, ее совершенно не интересует население страны, интересы которого она призвана защищать. Такая же точка зрения доминирует и среди представителей силовых структур (армия, МВД и т. п.), попавших в выборку опроса – ее разделяют почти 60% россиян, и лишь треть – допускает «гармонию» интересов бюрократии и населения… Свыше 20% опрошенных госчиновников не смогли ответить на вопрос, в чем же заинтересована российская бюрократия в первую очередь. Учитывая, что это образованные люди, которые по всем остальным вопросам достаточно четко сформулировали свою позицию, такой процент затруднившихся с ответом можно интерпретировать, на наш взгляд, как нежелание … врать в ответ на прямо поставленный вопрос» (Бюрократия и власть в новой России. Аналитический доклад Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН [Эл. ресурс]. М., 2005. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_ Byurokrat_i_vlast.pdf, свободный.). У меня есть основания полагать, что 6 лет спустя соответствующие оценки не изменились в позитивную сторону.

лизацию властно-политического отчуждения»[5]. Представим это положение как вывод по контрапозиции: если есть бюрократия, то это свидетельствует о наличии отчуждения власти, и значит, чтобы не было бюрократии (этого паразита на теле общества!), необходимо, чтобы не было и отчуждения власти. Это важно: не бюрократия порождает отчуждение, а напротив, отчуждение порождает бюрократию.

М. Вебер, по-видимому, рассуждал иначе. Для него «бюрократия» есть «идеальный тип», в котором отражен культурный смысл исторической эпохи, знаменуемой торжеством рациональности в первую очередь в сфере хозяйства, но не только в ней. Рациональность у Вебера – это не частная характеристика тех или иных общественных процессов. Это принцип культуры, первенствующий в системе культурных универсалий. Значит, другие культурные ценности, будучи подчинены принципу рациональности, должны вобрать его действие в себя, так сказать, проникаясь им, согласуясь с ним.

Следовательно, симптоматика отчуждения (например, нарастание неразрешаемых противоречий между властью и обществом) свидетельствует о том, что, во-первых, *власть недостаточно бюрократична*, а во-вторых, что ценность рациональности все еще не превалирует в системе жизненных ориентаций людей. О том, что в культуре – разлад, предвестник распада.

Ведь культурные универсалии – это не законы природы, действующие независимо от того, признаёт их кто-либо или нет. Повторю: они определяют жизненные и мыслительные ориентации людей, если люди согласны с ними, признают их власть. Но, как и всякая власть, культурные универсалии требуют от людей не только признания, но и подчинения. Они ограничивают человеческие желания, страсти, влечения и поступки. Они делят интересы на «культурно приемлемые» и «культурно неприемлемые». Но людям свойственно не соглашаться с принудительным ограничением их витальных притязаний или, например, экономических интересов. Тогда культура и предстает как то, что приходится *терпеть*, без чего было бы трудно *выжить*, ибо она определяет условия, при которых противоположные воли и витальные порывы не аннигилируют во взаимных столкновениях, а находят необходимый компромисс. Она позволяет людям *уживаться* друг с другом даже тогда, когда эта совместность – вне бдительного надзора со стороны Левиафана с его законами, институтами и охранительными структурами. В таком случае культура – не что иное, как незримая узда, сдерживающая человеческое своеволие, его дикие и свирепые проявления.

И это должна быть крепкая узда. Когда она ослабевает, противоречия между жизнью и культурой нарастают, культурные принципы перестают быть сознательными ориентирами большинства людских поступков, их ценность падает, а власть становится иллюзорной. Чтобы этого не произошло (то есть, чтобы предотвратить кризис культуры) необходимо создавать и укреплять институты власти, которые могли бы удержать культуру от распада. Иначе говоря, власть культурных принципов должна воплотиться во власти институтов, выступающих полномочными представителями культуры.

«Рациональная бюрократия» – это и есть, по Веберу, полномочный представитель культуры Тотальной Рациональности. Она и принимает на себя бремя разрешения противоречий между людьми и культурными принципами. Но для этого она сама должна быть культурной «до мозга костей». Идеальный бюрократ – это рыцарь культуры без страха и упрека, ее воплощенный, зримый образ. Он принимает на себя ответственность за культуру, подобно Атланту подставляет плечи под «небесный свод» ее универсалий. И… становится первым и явным объектом, в адрес которого направлен протест, даже бунт против культуры.

[5] Макаренко, В. П. Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства // Политическая концептология. – 2011. – № 1. – С. 5.

***

Конечно, важно исследовать, чем именно и в какой степени реальная бюрократия отличается от своего идеального типа. Но эту работу лучше оставить социологам, политологам или даже психологам (ведь ненависть к бюрократии – еще и психологическое состояние человека со множеством нюансов, например, не свободное от так называемого Ressentiment в смысле Ницше).

Философ же задаст другой вопрос. Дает ли веберовский «идеальный тип» возможность теоретического разрешения социальных противоречий и, следовательно, ликвидации расщелины между властью и обществом, на философском жаргоне именуемой «отчуждением»? Если нет, то почему?

Часто отвечают так: он создается в методологических и познавательных целях, как, например, теория идеального газа в физике. Меня этот ответ не удовлетворяет. Все-таки это – социальная теория, а она, как уже сказано, неотделима от ценностных предпочтений исследователя, и это не ее недостаток, а почва и судьба, которые «дышат» в ней, перефразируя известные строки Б. Пастернака.

Теория бюрократии М. Вебера – в одном ряду с такими изобретениями научного ума как «идеальный этос ученого» Р. Мертона, идея «Большой Науки» К. Поппера, «учение о ноосфере» В. Вернадского, технократические утопии русских «космистов», «теории элит» Д. Белла, Дж. Гелбрейта, Р. Арона и т. п. Общей чертой этих изобретений является то, что все они возникают через интерпретацию данных, полученных в естественнонаучных, социологических, технологических, экономических и т.п. исследованиях, в терминах определенной философии культуры. Поскольку культур-философ-ских концепций множество, и они составляют в известном смысле «конкурентную среду», такая интерпретация не может быть единственной. Какая именно интерпретация выбирается исследователем, это зависит от разных факторов. Например, от «имманентных» характеристик интерпретирующих концепций, то есть от их способности обеспечивать приемлемые объяснения изучаемых явлений. Но особо примечательны те ситуации, в которых на конкуренцию интерпретаций влияют изменения в умонастроениях исследователей, зависящих от заметных или даже критических перемен в культурном контексте. В таких случаях говорят о выполнении исследователем «культурного заказа», его желании соответствовать тому, что называют Zeitgeist или «духом культуры». Это *страдающий* дух, что особенно видно в переломные моменты истории, когда шатаются и падают культурные устои, происходит смена системы культурных универсалий. Исследователь может стремиться вернуть культуре устойчивость, дать ей новые опоры. Или, что не исключено, помочь ей уйти в историю, освободив место новой культуре. В любом случае он создаёт *мифы*, которых требует изменившаяся культурная среда. Характерная особенность этих мифов в том, что они «облачены в научные тоги», то есть, оформлены так, как это принято в науке[6], но отличаются своей очевидной «ангажированностью», подчиненностью философски определяемым целям.

Таким мифом и является веберовский идеальный тип «рациональной бюрократии». То, что он способен выполнять методологическую функцию, говорит о том, что знание об обществе включает в себя мифологическую компоненту не по недосмотру ученых или по причине своего «несовершенства», а по необходимости[7]. Это и есть философская проблема: выяснить и объяснить эту необходимость. Впрочем, в современной литературе мифологичность веберовской концепции стараются не замечать (видимо, опасаясь «посягнуть» на авторитет вели-

[6] Наука и миф – проблема, которую нельзя решать плоскими противопоставлениями в духе наивного «прогрессизма». Об этом – глубокие работы К. Хюбнера (см.: Хюбнер, К. Истина мифа/К. Хюбнер. – М., «Республика», 1996), см. также: Депперт, В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления/В. Депперт. – СПб, РХГИ, 1999. – С. 187-204.

кого ученого) и принципы «рациональной бюрократии», сформулированные Вебером, кочуют по страницам философских и социологических изданий как «научные» определения бюрократии[8].

***

Почему бюрократия, по Веберу, называется «рациональной»? Заметим, что это вызывало и вызывает возражения. Ст. Андрески называет применение этого термина «самым уязвимым местом» теории бюрократии М. Вебера[9], имея в виду следующее: «рациональность» у Вебера не имеет ни четких определений, ни единого смысла; всюду, где у него этот термин используется, он может быть заменен другими, более понятными и строгими, и от этого сама теория только выиграет, став более устойчивой к критике.

«Из того, что Вебер писал на тему рациональной власти и бюрократии, вытекает: прилагательное “рациональный” в отношении к ним надо заменить выражением “формально и детально организованный”. Тогда понятие рационализации надо заменить выражением “рост детально организованных формальных организаций”»[10].

Какую бы сферу бюрократического действия мы ни взяли, всюду этот термин не проясняет, а скорее запутывает, затрудняет объяснения. Даже в сфере экономики. Ст. Андрески настаивает:

«Использование крайне смутного понятия “формальная рациональность” бесполезно, поскольку оно не содержит ничего нового по сравнению с понятием “применение расчета”. Поэтому выражение “формальная рациональность экономической деятельности” следует заменить определением “калькулируемая экономическая деятельность” или просто “экономический расчет”»[11].

Какая судебная процедура может быть названа рациональной? Та, которая неуклонно ведет к соблюдению закона. Если это и есть цель судебной процедуры, то

«неизбежен вывод: обращение африканских племенных судов к пророчицам эффективнее (а тем самым и рациональнее), нежели установившаяся в современной Англии практика принесения свидетельств под присягой от имени всемогущего Бога. Исследования общественного мнения показали, что абсолютное большинство людей в этой стране не боятся божьей кары»[12].

Вообще говоря, апелляция к эффективности используемых средств для достижения цели не дает сформулировать какое-то общее понятие рациональности или построить универсальную «шкалу рациональности», по которой можно было бы сравнивать различные сферы деятельности.

---

[7] Я касаюсь этой проблемы и предлагаю подход к ее решению в своих недавних работах: Порус, В.Н. На Мосту интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология // Социология науки и технологий. – 2010. – Т. 1. № 4. – С. 102-115; Порус, В.Н. Культурная самоидентификация как проблема эпистемологии/В.Н. Порус / Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной. – М., РОССПЭН, 2010. – С. 130-150; Порус, В.Н. Психология в культурно-исторической проекции // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 49-57.

[8] См., например: Бюрократия [Эл. ресурс] / Онлайн-энциклопедия «Кругосвет»/ – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http: //www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ sociologiya/BYUROKRATIYA.html.

[9] Андрески, Ст. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология. – 2011. – № 1. – С. 210-235.

[10] Там же. С. 225.

[11] Андрески Ст. Указ. соч. С. 230.

[12] Там же. С. 227.

«В аналитической философии со времени Юма общеизвестно положение: конечные цели не могут квалифицироваться как рациональные или нерациональные. Иначе говоря, невозможно решить, кто поступает более рационально: бизнесмен, который лишает себя свободного времени и удовольствия ради денег; художник, который предпочитает жить в нищете, посвящая жизнь живописи; или “птица небесная”, которая не может вынести скуку одного занятия и постоянно меняет род деятельности и место жительства. А что же рационального в тяжелом труде и экономной жизни, если человек располагает достаточным количеством средств для того, чтобы отдыхать и пользоваться благами жизни? Эти примеры показывают, что все зависит от ценностей, которые для людей являются конституирующими»[13].

Остроумная критика Ст. Андрески попадает в цель. Но я бы не спешил вслед за польским ученым объявлять веберовский подход к рациональности *ошибочным*. «Озарения» и «ошибки» Вебера[14] происходят из одного и того же идейного источника. И растяжимость объема, и расплывчатость содержания ключевого термина «рациональность» не являются следствием какой-то небрежности. Гениальному ученому нужен был именно такой термин. И так называемая «путаница» с «целями» и «ценностями» также не случайна и свидетельствует не о смятении мыслей: М. Вебер, по-видимому, и не мог, и не хотел рассовывать эти понятия по разным углам и словарям. Они потому и «наезжают» друг на друга в его рассуждениях, что сопряжены по смыслу.

Дело в том, что «бюрократия» как идеальный тип у Вебера, а также все ее основные предикации, – это не только теоретическая конструкция, пот-ребная для решения эксплана-тивных задач в социологии или экономике. Это, прежде всего и главным образом, – **культурная ценность**.

«Экономическая социология Вебера организуется в “культурологическом ключе”. Вебер выделяет две идеальнотипические ориентации экономического поведения: традиционную и целерациональную. Первая приходит из глубины веков. Вторая является доминирующей, начиная с Нового времени. Преодоление традиционализма осуществляется в ходе развития современной капиталистической экономики. Формально-рациональный учет денег и капиталов предполагает наличие определенных типов социальных отношений и определенных форм социального порядка. Анализируя эти формы, Вебер формулирует универсально историческую модель развития капитализма как торжества принципа формальной рациональности во всех сферах хозяйственной жизни, отмечая, однако, при этом, что подобное развитие не может быть объяснено исключительно экономическими причинами»[15].

В том же культурологическом (я бы сказал: культур-философском) ключе М. Вебер организует и свою теорию (миф) «рациональной бюрократии». Именно поэтому ему необходим термин «рациональность», который не может быть заменен ни «экономическим расчетом», ни «формальной организацией», как советует Ст. Андрески. Необходим не потому, что этот термин точнее. Нет, он действительно расплывчат и многозначен. Но у него есть особое преимущество: *он связывает социологические и экономические рассуждения с философией культуры, полагающей систему «горизонтных» универсалий центрированной вокруг рациональности*. Дело, конечно, не только в том, что рационализированная культура – объект, доступный научному анализу, способному «посчитать» все, что поддается расчету, формализовать то, что может быть посчитано, и тем самым освободить пространство, часто занятое иррациональными выражениями человеческих пристрастий. Суть глубже: сама культура, в ко-

[13] Там же. С. 232.

[14] Andreski, St. Maxa Webera olsnienia i pomyłki/ St. Andreski. – Warszawa, PWN. – 1992.

[15] Ионин, Л.Г. Вебер / Культурология. XX век. Энциклопедия/Л.Г. Ионин. – Т. 1. СПб, «Университетская книга». – 1998. – С. 103.

торой господствует принцип рациональности, открывает, как казалось Веберу, блестящую историческую перспективу: человечество должно следовать по пути бесконечного прогресса, освещенному «солнцем бессмертным ума».

***

Мы видим зависимость веберовской теории бюрократии от культурного контекста эпохи. Критика этой теории есть в то же время критика этого контекста. А за что ее можно критиковать?

Лежащей на поверхности мишенью критики, конечно, является несоответствие реальности: «настоящая» бюрократия не такова, какой она нарисована в веберовской концепции. Можно быстро возразить, что это вообще характерно для теоретической науки, в которой абстрактные объекты (теоретические конструкты) служат установлению сущностных связей между изучаемыми явлениями и, таким образом, получать достоверное знание (таковы, например, понятия «идеального газа», «материальной точки», «абсолютно твердого тела» в физике или «неограниченно большая популяция со свободным скрещиванием особей» в популяционной генетике[16]). Но это поверхностное возражение. «Рациональнная бюрократия» у Вебера – не только теоретический конструкт, но и (мифологическая!) культурная ценность. Поэтому несоответствие реальной бюрократии веберовской модели – не то же самое, что нарушение закона Бойля в условиях больших давлений на ограниченный объем газа. Этот закон верен в случае разреженных газов, когда можно пренебречь межмолекулярными взаимодействиями, и нарушается, когда существенны действия сил Ван-дер-Ваальса. Вряд ли нечто подобное можно сказать о «нарушениях» принципов работы идеальной бюрократической системы. (Миф нечувствителен к своим опровержениям!). И совсем уж подозрительным было бы предположение о том, что миф о ней дает возможность устанавливать некие сущностные законы управления и осуществления власти.

Критика веберовской концепции бюрократии может иметь два источника: неприятие культурных принципов и ценностей, на страже которых стоит бюрократия, или осознание того, что бюрократия не выполняет свою культурную функцию, а напротив, характеризуется (частичным или полным) отрицанием культурных ценностей. В первом случае критика направлена против культурообразующего мифа «рациональной бюрократии». Во втором – критикуется не культура, а ее разрушитель – реальный бюрократ, сделавший из мифа о культуре ширму, за которой устраивает свои делишки, а также вся реально существующая и всегда окружающая человека в современном обществе бюрократическая система, превращающая жизнь человека в кафкианский абсурд.

Идя по второму пути, критик проследит, каким искажениям «настоящий», а не «идеальный», бюрократ подвергает принципы, сформулированные Вебером. Если этот критик займется своим исследованием в современной России, перед ним предстанет впечатляющая картина.

Так, он заметит, что бюрократическая «вертикаль» означает не безусловную передачу властных импульсов «сверху донизу», а скорее механизм подавления значимой инициативы и уклонения от действия через систему проволочек; при некоторых условиях «вертикаль» превращается в изощренное орудие саботажа; он увидит, что так называемое «превышение служебных полномочий» – едва ли не рутинная практика вымогательства или расправы с неугодными людьми; юридические законы попираются нагло и безнаказанно; бюрократические должности продаются и покупаются, и на этом рынке активность никогда не падает; он констатирует профессиональную непригодность бюрократов не только на нижних ступеньках иерархической лестницы, но и на вершинах власти. Если наш критик осмелится продол-

[16] См.: Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы/ В.С. Степин. – М., «Гардарики», 2007. – С. 181-183.

жить свое исследование (в России это совсем не безопасное занятие!), он узнает, что значительное число бюрократов занимаются полулегальным и нелегальным бизнесом (законы и инструкции, препятствующие этому, ловко обходятся либо игнорируются), а то и вовсе входят в состав организованных преступных групп (что можно даже с печальным юмором назвать «работой по совместительству»). При этом (в полном противоречии с веберовской моделью) бюрократы не только занимаются политикой, но используют свои должностные привилегии для обеспечения властного status quo (выражение «административный ресурс» при подсчете шансов на победу над политическими конкурентами в ходе выборов считается вполне приемлемым)[17]. Впрочем, российская бюрократия к самой идее выборов часто относится с плохо скрываемым презрением. Если выборы все же происходят (их отмена пока носит частичный характер), то она стремится ими управлять, используя для этого такой мощный ресурс как контроль над средствами массовой информации, прежде всего – над телевидением.

На свои сравнительно умеренные зарплаты российские бюрократы умудряются приобретать дорогие палаты в своем отечестве и за границей, обмениваться подарками, цена которых напоминает номер мобильного телефона, разъезжать на «крутых» автомашинах, обучать отпрысков в престижных и очень дорогих заграничных университетах. Они приватизировали властные структуры, используя право действовать от имени государства как дополнительный ресурс личного обогащения. Известные персонажи М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.В. Сухово-Кобылина выглядят слабыми подобиями своих нынешних российских коллег, ввиду чего разговор о профессиональной (сословной, если угодно) чести или «государевой службе» в среде российских бюрократов выглядит неуместной наивностью[18].

И все это с таким размахом, что нашему критику не пришлось бы слишком утруждаться сбором фактических данных. Но к каким выводам из них он мог бы прийти?

Можно, например, вслед за Р. Мертоном или Т. Парсонсом, рассматривать перечисленные явления как «дисфункции», недостатки системы, вызванные главным образом тем, что бюрократы – живые люди и ничто человеческое им не чуждо. Ведь бюрократ Вебера – это, так сказать, абстрактная схема. А живой человек может быть, например, в плену у своих аффектов и пристрастий. Он может гневаться или благоволить, увлекаться пчеловодством или теннисом, иметь те или иные политические или религиозные убеждения, обожать ритуалы и церемонии (Р. Мертон даже говорил о «ритуализме» как особой дисфункции бюрократического аппарата). Быть падким на лесть или женские чары (прошу прощения у феминисток и феминистов, но уж так устроен наш язык: приходится видеть в бюрократе, прежде всего, существо мужского пола!). Вот и алчность, и цинизм, и безудержное властолюбие – да много еще чего! – нужно принимать как естественные факторы, часто искажающие «нормальный» ход бюрократического механизма. Или, выражаясь в терминах Вебера, вносить в него *иррациональные* моменты. Чтобы все оставалось рациональным, *машинообразным*, надо эти трихины иррациональности постоянно устранять. Иначе говоря, такому механизму нужен постоянный присмотр и техническое обслуживание: негодные или изношенные части заменять запасными, работать над дизайном, подумывать о совершенствовании внутреннего устройства, оптимизировать его функциональность и т.д. Большой вопрос, кому доверить это важное дело, особенно, когда речь идет о высших уровнях бюрократической иерархии. Хотелось бы воскликнуть: кому же еще, как не специалистам, ученым, философам, политологам или

[17] Разумеется, политическая активность бюрократии может быть направлена не только на сохранение и упрочение существующей власти, но и против нее (так называемая «аппаратная революция»); в таких случаях бюрократы могут вступать во временные политические союзы с иными, нежели «партия власти», политическими силами. Впрочем, чаще всего бывает, что целью этой борьбы является перераспределение власти в пользу «новой бюрократии»

[18] Безусловно, сказанное в той или иной степени относится не только к отечественной бюрократии. Но я веду речь, прежде всего, о ней, поскольку мне это интереснее и больнее, чем то, что происходит в других странах и частях света.

экономистам? Да кто же их будет слушать, если они станут предлагать нечто такое, что не понравится бюрократам? А если им-то и передать власть? Такие предложения делал еще Платон. По его стопам идут и современные технократы. Надо признать, кое-чего и кое-где они добились. Но технократическая (или сциентократическая) идея, помимо ее очевидной нереализуемости, несет в себе внутреннее противоречие: ведь интеллектуал (ради краткости выберем этот термин), став у власти, не перестанет быть человеком. А вдруг он не научной истине или рациональным принципам станет служить, а собственным интересам? А ведь так оно, скорее всего, и вышло бы, осуществись эта идея!

Конечно, можно призвать на помощь машины (не в переносном, а прямом смысле), например, автоматическую (управляемую компьютерами) систему сбора налогов или коммунальных платежей, формализовать квалификационные испытания, а то и проверять подозреваемых в мздоимстве и лихоимстве чиновников на «детекторе лжи». Но это мелочи. Радикальное средство, считают многие, это «демократия», т.е. устройство для смены властных структур, если они почему-либо не удовлетворяют общественным нуждам.

Здесь я вступаю в область, где продвигаться так же трудно, как идти без специального снаряжения и сноровки по минному полю. Поэтому остановлюсь, напомнив только, что демократические общества при определенных условиях порождают (на свою погибель) такую бюрократию, какая М. Веберу и в кошмарных снах не виделась. А ведь проживи он всего-то еще полтора десятка лет, увидел бы не во сне, а наяву.

Вернемся на первый из названных путей критики идеи «рациональной бюрократии». На этом пути критик мифа (то бишь, теории) «рациональной бюрократии» выступит критиком культуры. Например, он может заметить, что гипертрофированная (то есть проникающая во все поры общественного тела) рациональность является антиценностью. Она подчиняет себе всю систему культурных универсалий, многие из которых просто атрофируются в этом подчинении, а другие теряют свою привлекательность.

Помещать рациональность в центр этой системы, считали и считают многие критики, не только ошибочно, но и опасно. История XX века дала обилие аргументов в пользу этого тезиса. Еще В.Ф. Эрн возводил генезис германского милитаризма к «Критике чистого разума», имея в виду, что идея «живого Бога» была загублена кантовским феноменализмом, а пространство культуры, из которого изымается эта ценностная универсалия, оккупируется научно-техническим рационализмом, заключающим военный альянс с идеей сверхценности немецкой нации, что и ведет к мировой катастрофе[19]. М. Хоркхаймер и Т. Адорно докопались до еще более глубоких корней катастрофы. Опыт второй мировой войны был истолкован ими как следствие саморазрушения европейской культуры, ее универсалий, сформированных в эпоху Просвещения[20]. Жесткой критике был подвергнут «весь ход развития социокультурной парадигмы “проекта модерна”, низвергнувшей западную цивилизацию в пучину варварства именно вследствие с необходимостью произошедшего с ней процесса диалектического самопревращения ее в свою собственную противоположность – в архаический, традиционалистский миф, пышные похороны которого некогда столь самонадеянно и торжественно праздновала эпоха Просвещения»[21].

Заметим, что и М. Вебер (вполне в духе просветительского «модерна») противопоставлял архаическому традиционализму рационализм современной капиталистической экономики. Так что критику «проекта модерна» со стороны франкфуртских социологов можно счи-

[19] Эрн, В.Ф. От Канта к Круппу// Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 101-106.

[20] Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты/ М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. – СПб, «Медиум–Ювента», 1997.

[21] Кузнецов, М.М. Теодор В. Адорно: основные этапы жизненного и творческого пути/ М.М. Кузнецов // История философии. – № 12. М., ИФРАН. – 2005. – С. 24.

тать и опосредованной критикой теории (то бишь, мифа) рациональной бюрократии М. Вебера.

Почти всю вторую половину прошлого века шли споры вокруг рационализма как культурной ценности. Специфическим преломлением этих споров была полемика о научной рациональности, втянувшая в себя чуть не всю философию и методологию науки[22]. Когда эти споры уже пошли на убыль на Западе, поспели громадные социально-политические и экономические преобразования в России, на фоне которых дискуссия о рациональности как культурной ценности сделала новый поворот.

«В результате того, что в нашей стране механизм рыночной экономики был запущен так, что частный интерес, объявленный присущим самой природе человека, оказался вне общественного контроля (этического, религиозного, государственного и даже элементарного контроля здравого смысла), возник лавинообразный механизм разрушения всех компонентов рациональной культуры. В первую очередь это коснулось науки как базы перспективных технологий, а потом затронул и всю систему ориентированного научно-познавательными ценностями образования»[23].

В такой ситуации критика рационализма, смыкаясь с критикой европейской культуры в целом, обязана считаться с возможностью её истолкования как контркультурного направления мысли. Ведь эта критика так и не смогла найти для себя внятной идейной платформы, имеющей позитивный или конструктивный смысл. Иначе говоря, она не связалась с проектом устроения культурного пространства, в котором рациональность, оставив претензии на абсолютное первенство в культуре, все же не была бы оттеснена на глубокую периферию последней, а нашла своё, так сказать, достойное место в ней. Как именно это возможно, пока не ясно, и дело часто сводится к рекомендациям, полезность которых проблематична, поскольку никто толком не знает, как им следовать. Конечно, А.Ф. Зотов прав (перекликаясь в этом моменте с В.П. Макаренко):

«Преодолеть современный кризис рациональности, если его трактовать как социокультурный феномен, можно лишь устранив и современную форму отчуждения – отчуждения человека как личности от рациональности, объективированной в информационно-технических системах (“ноотехносфере”)»[24],

но как это сделать? О желательности устранения различных форм отчуждения философы (от С. Кьеркегора и К. Маркса до Э. Фромма, С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра) говорят уже два столетия кряду, а тем временем формы отчуждения растут числом и в глубину. Вот и отчуждение бюрократии от человека (и наоборот) также нисколько не уменьшилось, а даже имеет тенденцию к дальнейшему углублению, несмотря на все усилия теоретиков и практиков.

К концу прошлого века на авансцену европейской философии вышел постмодернизм (находится ли он там и сейчас, сказать трудно, на этот счет есть разные мнения, а спорить – нет смысла). Он предложил заманчивый выход из кризиса европейской культуры: вообще не замечать его. В самом деле, кризис – это резкое сотрясение системы культурных универсалий, смешение их ролей, неразбериха с первенством, неразрешимый конфликт между тем, чего требует от людей культура, и тем, что происходит в их реальной жизни. Не лучше ли трезво осознать *фиктивность* этих универсалий и освободиться из-под их опеки? Нет уни-

[22] См.: Порус, В.Н. Рациональность, наука, культура/ Порус В.Н. – М., УРАО, 2002.

[23] Зотов, А. Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы // Вопросы философии. – 2011. – № 5.

[24] Там же.

версалий культуры – нет и кризиса! Человечество должно же, наконец, повзрослеть и избавиться от подростковых иллюзий: не существует никаких всеобщих ценностей, правил и истин о человеке (кроме, конечно, знаний о его биологической природе, да и с теми не всё ясно). Тем более, что, кажется, уже не надо никому объяснять, что человечество рискует самим своим существованием, если споры об универсалиях станут причиной мировой бойни или другой антропогенной катастрофы.

М.Н. Эпштейн назвал эту философию «зрелым сознанием увечной культуры»[25]; вопрос в том, навеки ли искалечена культура и обречена ли она доживать свой век беспомощным и тягостным для всех инвалидом, или же есть перспектива ее исцеления, возвращения ей жизненных (а не имитирующих жизнь) сил? Философия, довольствующаяся печальным «да!» в ответ на первую часть вопроса не может не быть маргинальной, какой бы популярностью она ни пользовалась[26]; философии, пытающейся найти положительный ответ на вторую часть, должно принадлежать будущее. Значит, постмодернизм будет изжит, если философия вместо причитаний о несовершенстве и увечности культуры предложит позитивный проект ее универсалий, определяющий ее развитие.

Пока этого сделать не удалось. Но ясно, что многие уродства нашей действительности, в том числе и уродство нынешней бюрократии, являются неизбежными следствиями культурного кризиса, уже переросшего в культурную катастрофу[27]. Она всеохватна и никакие сферы жизни не остались незатронутыми. В особенности – сфера властных отношений.

И дело даже не в том, что система культурных универсалий лежит в развалинах. Это ещё полбеды. Расчистив руины, все-таки можно поставить новые культурные каркасы, была бы только воля и хватило бы сил. Настоящая беда в том, что гаснет *идея культуры*, утрачивается вера в то, что человек обретает самого себя только в культуре, то есть, ориентируясь мыслями и действиями на её ценности. Если эта идея перестанет светить окончательно, наступит тьма пост-культурной действительности. Дальнейшее – молчание…

В ситуации культурного кризиса или, если угодно, культурного безвременья, ценностные универсалии – это «симулякры» (Ж. Батай, Ж. Бодрийар), знаки того, чего нет, формы, какими люди символизируют свои отношения, обмениваются – ради удобства или развлечения – этими формами, сознавая при этом их пустоту. Такой формой-пустышкой является и «рациональная бюрократия». Реальная же бюрократия поддерживает этот обмен-обман, поскольку он ей выгоден. На словах – профессионализм, честь, порядок, беззаветное служение, бескорыстие, на деле – сами знаете что. Впрочем, знаете или нет, это совсем не важно. Будете играть с пустотой, окруженной символическими оболочками. Жизнь заставит[2829].

---

[25] Эпштейн, М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория/ М.Н. Эпштейн. – М., 2000. – С. 41.

[26] И.П. Ильин назвал постмодернистскую философию проявлением «феномена маргинализма», в котором выразилось самоощущение творческой интеллигенции XX века, ее сознательная установка на периферийность по отношению к обществу в целом, в том числе и к его морали (Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа/ И.П. Ильин. – М., 1998. – С. 21, 22); из этого следует, что популярность этой философии пойдет на убыль, если изменится это самоощущение.

[27] См.: Порус, В.Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 24-36.

[28] Ж. Бодрийар ярко описал современную культуру как царство симулякров и симуляций, однако его красноречие оставляет двойственное впечатление: оно может быть прочитано как гиперкритика современного ее состояния, но может быть понято по-другому, как согласие с необратимостью совершившихся в ней изменений (см.: Baudrillard, J. Simulacres et simulation/ J. Baudrillard. – P., 1981).

[29] Ж. Бодрийар ярко описал современную культуру как царство симулякров и симуляций, однако его красноречие оставляет двойственное впечатление: оно может быть прочитано как гиперкритика современного ее состояния, но может быть понято по-другому, как согласие с необратимостью совершившихся в ней изменений (см.: Baudrillard, J. Simulacres et simulation/ J. Baudrillard. – P., 1981).